

17-й год эры Небесного Предначертания

На следующий день после начала зимней императорской охоты государь получил тяжелую рану. Свита в спешке вернулась в столицу, и весь город замер в тревожном ожидании.

Миновало полмесяца. Наступил день зимнего солнцестояния, принесший с собой обильный снегопад. В прежние годы реки и озера Чанло к этому времени уже затягивало прочным льдом, но нынешняя зима выдалась иной.

Каждый источник воды в столице взяли под строгий контроль. Внутри городских стен караулы выставили влиятельные кланы, а за пределами Чанло, у горы Белых Ключей, тайно расположились отборные, стянутые издалека войска семьи Гу. В небе кружили сотни хищных птиц, ведомых огромным кречетом. Этот крылатый владыка неустанно патрулировал город, но возвращался всегда к одному и тому же месту — крошечному пруду у самой границы лесных угодий.

Стоял полдень. Бушевала метель. Тяжеловооруженные всадники замерли в нескольких чжанах от пруда. Окружив его плотным кольцом, они сурово вглядывались в высившиеся вдали величественные Восточные ворота Чанло, лишь изредка скашивая глаза на темную воду.

Помощник командира уже едва ли не заработал косоглазие от постоянного напряжения, когда из пруда наконец донесся всплеск.

Сквозь пелену брызг прорвалась бледная мужская рука с отчетливо проступившими венами и мертвой хваткой вцепилась в прибрежную ограду. Следом на поверхность выбрался и сам командир — продрогший, с мокрыми, прилипшими к лицу прядями.

На Гу Цзиньюе была лишь легкая нательная рубаха. Он тяжело, прерывисто дышал, вцепившись в перила, но на его лице не отражалось ни единой эмоции. Едва переведя дух, он снова развернулся и ушел под ледяную воду.

Помощники замерли, их сердца сжались от тревоги. Они безмолвно переглядывались, вздрагивая от каждого всплеска — казалось, этот пронизывающий холод передавался и им сквозь кованые доспехи. Одно дело — окунуться в ледяную купель единожды в разгар лютой зимы. Но истязать себя так на протяжении полумесяца? Любой свидетель этого безумия с благоговением признал бы: их командир отлит из чистой стали.

Впрочем, он был не единственным, кто устраивал подобные заплывы. Еще в первую ночь Императорской зимней охоты в воду бросились молодой господин Гуань и юный генерал из клана Гэ. Но пуще всех поразил окружающих старший молодой господин Су. Хотя в последние годы его здоровье укрепилось, он все еще оставался болезненным от природы. Стоило ему пару раз нырнуть в темную глубь, как слугам пришлось вытаскивать его полуживого — к утру бедолагу свалил жесточайший жар.

Военные лишь недоуменно качали головами.

До них доходили смутные слухи, будто посреди ночи кто-то оступился и упал в воду. Дело замяли, оцепив место происшествия и перекрыв любые каналы утечки информации. Но само происшествие отдавало чертовщиной: пруд-то был крошечный, буквально три шага в ширину, однако упавший туда человек бесследно исчез.

Оставалось лишь гадать, какими узами этот таинственный утопленник был связан с первейшими молодыми господами столицы, если они один за другим разом теряли рассудок.

Ладно остальные, но их предводитель всегда отличался ледяным спокойствием и надежностью. Теперь же его словно подменили. В тот день, едва выслушав краткое донесение, он застыл как каменное изваяние. Стоял так долго, что подчиненные всерьез испугались, не прибрала ли его кончина прямо на месте.

Когда же оцепенение спало, командир молча схватился за меч и рванулся убивать.

Офицеры поначалу отнеслись к этому с пониманием: пустить кому-нибудь кровь — дело житейское, да и планы у них были соответствующие... Вот только список целей привел их в ужас. Врагами командира в одночасье стали самые влиятельные люди империи: от императорских отпрысков до собственного отца. Никаких мелких сошек — сплошь высшая знать.

Тут уж благодушие генералов испарилось. Всем скопом, используя все мыслимые уговоры и силу, они едва сумели удержать его от безумного шага.

Поначалу думали — временное помутнение, остынет. Но шло время, а ярость не утихала. Это был не минутный порыв, а глубокое, затяжное помешательство.

Гу Цзиньюй сходил с ума — методично и непрерывно.

Не раз за разом нырял в ледяную бездну и в полном одиночестве выбирался обратно.

Пока что он никого не трогал, изводя лишь собственное тело.

Раздался очередной всплеск. В тот же миг из свинцовых туч молнией вынырнул крик Догоревший фитиль. Птица издала пронзительный, режущий слух клекот. Находившийся в пруду Гу Цзиньюй прищурил воспаленные глаза, вслушиваясь в крик своего питомца, и, словно восставший водяной, тяжело полез на берег.

Метель утихала, сыпал мелкий редкий снег. Спустя несколько минут Цзиньюй, накинув плотный походный плащ, уже сидел в седле. Взъерошенный крик устроился на его плече, тихонько клочка и легонько поклевывая хозяина в шею — то ли укоряя за глупость, то ли

пытаясь приободрить.

Помощник командира направил коня ему навстречу. Прежде любые приказы и донесения исходили от самого Гу Цзиньюя, но за последние две недели тот сделался немым как рыба. Офицеру пришлось заговорить первым:

— Командир, из столицы есть вести?

Гу Цзиньюй ответил не сразу, от его замерзшего тела веяло могильным холодом:

— Старый император при смерти. Наследная принцесса вот-вот взойдет на престол.

Окружившие его командиры, ловившие каждое слово, притихли. Один из них нерешительно спросил:

— Генерал, а то, что вас сейчас нет во дворце... это не опасно?

— Там есть кому присмотреть за порядком, — Гу Цзиньюй коротко, безрадостно усмехнулся. — Сторонники второго принца Гао Минцяня рано или поздно поднимут мятеж. Нам остается лишь ждать, когда добыча сама пойдет в капкан.

Он смахнул остатки влаги с лица, и в его облике вновь проступили прежняя мягкость и хладнокровие:

— Чанло защищают четыре заставы. Наш отряд перекрыл Восточные городские ворота, северное направление стережет клан Су, а на юге закрепился клан Юэ. Как только старый император испустит дух, наследная принцесса проявит свою железную волю. Гао Минцянь попытается бежать уже этой ночью, иного выхода у него нет. Всем держать ухо востро. Впереди жаркий бой.

Офицеры согласно зашумели.

Цзиньюй ласково погладил кречета по перьям. Даже если у будущей владычицы империи Гао Минши достанет глупости пойти на мировую с мятежным братом, он найдет способ вынудить ее пролить кровь.

Он жаждал мести. Он собирался уничтожить многих. А тех, кого не сможет предать смерти, он искалечит, лишит рассудка, заставит молить о пощаде. Каждый их вздох отныне должен стать изощренной пыткой.

Сумерки сгущались. К часу Обезьяны снегопад наконец прекратился, и над притихшим Чанло разнесся протяжный, утробный звон колокола. Двенадцать ударов возвестили Поднебесную о

кончине государя.

Среди солдат прошел тревожный гул. Гу Цзиньюй невозмутимо объехал ряды, раздавая четкие, выверенные приказы. Но едва солнце скрылось за горизонтом и на город опустилась ночная тьма, он натянул на лицо черную маску и в сопровождении нескольких самых преданных и ловких телохранителей незаметно направился к Южным городским воротам.

Зимняя ночь опустилась стремительно. Преодолев заснеженный склон, Цзиньюй укрылся в густой чаще, откуда открывался отличный обзор на позиции клана Юэ.

Ожидание казалось бесконечным, но вот со стороны Южных ворот Чанло взметнулось пламя и донеслись крики. Войска Юэ пришли в движение, и Цзиньюй со своими людьми без труда затерялся среди конных рядов. В самый разгар ночной резни, когда преследователи и мятежники смешались в кровавой свалке, он высмотрел в толпе нужного человека. Сбив его с ног, Цзиньюй парой ударов раздробил сочленения его доспехов, связал врага по рукам и ногам, перекинул через круп коня и во весь опор помчался обратно в лесную глушь.

Едва оказавшись под сенью деревьев, Цзиньюй сбросил пленника на землю и первым же ударом отсек его левую руку, пытавшуюся нащупать оружие.

Он подцепил острием меча содрогающийся обрубок, с которого ручьями стекала темная кровь.

— Еще тогда хотел отрубить... — негромко проморосил Цзиньюй, разглядывая добычу. — Да только в прошлый раз удалось лишь перебить кость.

Он брезгливо стряхнул плоть в сугроб и тяжело опустил кованый армейский сапог прямо на кровоточащую культю Юэ Сюньчжи. Безжалостный нажим заставил раненого выгнуться дугой, его лицо мгновенно покрылось крупными каплями холодного пота.

Цзиньюй коснулся его губ горячей от крови сталью. Стоило острию выковырнуть изо рта пленника кляп, как Юэ Сюньчжи зашелся в яростном крике:

— Гу Цзиньюй! Сукин ты сын, что творишь?! Твой чертов отряд должен стоять у Восточных городских ворот! Какого хера ты приперся сюда издеваться надо мной?! Ты что, совсем рассудок потерял, ублюдок?!

Вместо ответа Цзиньюй скользнул клинком глубже. Острие вонзилось в гортань, заставив Юэ Сюньчжи захлебнуться собственной кровью и издать лишь невнятный, kloкочущий хрип.

Когда сталь покинула его рот, несчастный уже мало походил на человека. Он содрогался всем телом, отплевываясь багровой пеной, но все еще пытался хрипеть угрозы:

— Если ты... убьешь меня... тебе не жить... Я правая рука новой императрицы...

— Знаю, — равнодушно обронил Цзиньюй, прижимая кончик меча к его кадыку. — В клане матери Гао Минши ты единственный, кто представляет хоть какую-то ценность. С чего бы мне позволять ей растить из тебя волкодава, которого она позже натравит на меня? Я прикончил бы тебя в любом случае, просто ради покоя в будущем.

Договорив, он резко переменял направление удара. Клинок с хрустом вошел в правое плечо Юэ Сюньчжи, насквозь пробив плоть, и вонзился глубоко в мерзлую землю. Прежде чем жертва успела осознать случившееся, Цзиньюй нагнулся, схватил его свободной рукой за ворот и рванул вверх. Раненое плечо соскользнуло по лезвию, словно мясо на вертеле, погружаясь на всю длину клинка — до самой гарды.

Дикий, нечеловеческий вопль огласил притихший лес. Кровь хлестала фонтаном, окрашивая девственный снег в грязно-красный цвет. Отдаленный обрубок руки, валявшийся неподалеку, продолжал биться в конвульсиях в такт телу хозяина, являя собой жуткое зрелище.

Цзиньюй слушал эти крики с полным безучастием. Едва Юэ Сюньчжи лишился чувств от болевого шока, мучитель провернул рукоять в ране, расширяя отверстие и заставляя несчастного с воем прийти в себя.

— Ответь мне на пару вопросов, и я дарю тебе легкую смерть, — тихо проговорил Цзиньюй, склонившись над ним. — Что тебе известно о произошедшем с Гу Шаньцином в ночь Императорской зимней охоты?

Истерзанный Юэ Сюньчжи забился в судорогах, захлебываясь слезами и мольбами:

— Я ничего не знаю! Клянусь, ничего! Спроси других... спроси Су Минья! Или принца Гао Минцяня... Смилуйся!..

Цзиньюй резко выдернул оружие из его плеча. Откинув в сторону зазубренный, пришедший в негодность клинок, он поймал брошенный телохранителем свежий меч. Сталь со свистом покинула ножны, и новый удар безжалостно пригвоздил к земле второе плечо Юэ Сюньчжи.

— Тогда расскажи о Су Минья. Вы ведь были вместе в ту ночь? Напряги память. Я желаю знать каждое слово, каждое упоминание о Гу Шаньцине.

Сквозь стоны и кровавую слюну Юэ Сюньчжи принялся лихорадочно выкладывать все, что мог вспомнить. Запинаясь и путаясь, он пересказал весь свой разговор со старшим молодым господином Су.

Выслушав его, Гу Цзиньюй замолчал.

«Я не знаю, почему он оказался там... Знаю лишь, что Гу Шаньцин мертв...»

Эти слова, точно ледяной шип, пронзили разум Гу Цзиньюя. Мир вокруг него мгновенно застыл. В голове набатом стучала одна-единственная фраза:

«Гу Шаньцин мертв...»

«Он мертв...»

Как это могло произойти? Какая нелепая, чудовищная ложь!

Я шел на любые жертвы, беспрестанно рисковал головой, пробивал себе дорогу сквозь ад лишь ради того, чтобы вырваться из-под гнета старших. Я жаждал стать хозяином собственной судьбы, защитить то, что мне дорого... И вот теперь, когда я преодолел этот путь, одолел горы ножей и моря пламени, когда свобода наконец оказалась в моих руках... человека, с которым я больше всего хотел разделить эту радость, больше нет?

Если его нет, то к чему мне вся эта свобода?

<http://bllate.org/book/20609/2214910>